

Хэй Сяцзы поднял руку, и его ладонь опустилась на слегка подрагивающую макушку Чзе Юйчэня. Он легко, почти невесомо потрепал его по волосам, а его голос прозвучал с редкой мягкостью и непреклонностью:

— Цветок, хочешь поплакать — поплачь, тут нет ничего постыдного. Но запомни: у Черного Еревана для тебя всегда найдется местечко.

Ребенка, которого он вырастил на своих глазах, он давно уже воспринимал как собственного младшего члена семьи и относился к нему соответствующе.

Цзе Юйчэнь зарылся лицом еще глубже в объятия Хэй Сяцзы, и оттуда донесся его приглушенный, с едва уловимыми нотками сдавленных рыданий голос:

— Сяцзы... спасибо тебе.

Спасибо тебе за то, что был готов защищать меня, когда я был совсем маленьким.

И спасибо тебе за то, что даже когда мне казалось, что не осталось ничего... ты все равно был готов оставить для меня зажженным огонек.

Чжан Цилин посмотрел на Цзе Юйчэня, который почти целиком спрятался в объятиях Хэй Сяцзы. Взгляд его потемнел, а линия губ невольно сузилась в тонкую полоску.

Но в конце концов он ничего не сделал — лишь молча отвел взгляд.

Он слишком многим был должен А-Ци.

К тому же... А-Ци просто заботился об этом мальчике как о младшем.

Он должен был это понять.

Боковым зрением уловив едва заметную смену выражения на лице Чжан Цилина, Хэй Сяцзы сразу все понял.

Этот немой снова ревнует.

Внешне он ничем не выдал себя, но исподтишка чуть подвинул плечом, на которое опирался, а свободная рука с невероятной точностью протянулась вперед, нашарила опущенную вдоль тела руку Чжан Циля, без лишних слов перехватила ее и крепко переплела их пальцы.

Сила и тепло, исходившие от кончиков пальцев, заставили Чжан Цилина слегка вздрогнуть. Сразу после этого невольно натянутое мрачное напряжение бесшумно рассеялось от этого крепкого рукопожатия.

Он опустил ресницы, уставившись на переплетенные пальцы, но не стал высвобождаться. Напротив, он чуть сжал ладонь, отвечая на рукопожатие этой теплой руки.

Почувствовав его ответ, Хэй Сяцзы едва заметно изогнул уголки губ за темными очками.

Большим пальцем он успокаивающе погладил тыльную сторону ладони Чжан Цилина.

Цзе Юйчэнь по-прежнему прислонился к его плечу, казалось, совершенно не замечая этого мимолетного жеста, или, может быть, просто будучи слишком истощенным, чтобы обращать внимание, и временно погрузившись в эту кратковременную передышку и защиту.

Остальные присутствующие отчетливо видели эту сцену, и на лицах каждого отразились самые разные чувства.

Хо Сюсю, глядя на редкую уязвимость и зависимость своего старшего брата, а затем на не требующее слов взаимопонимание между Хэй Сяцзы и Чжан Цилином, испытала целую бурю смешанных эмоций, но в то же время тихонько выдохнула с облегчением.

По крайней мере, рядом с братом оставались люди, которые действительно о нем заботились.

Взгляд У Се невольно следовал за сцепленными руками Чжан Цилина и Хэй Сяцзы, и эта картина резала глаза так сильно, что в груди становилось тяжело и душно.

Он вспомнил, как и сам когда-то вот так же держал Сяо-гэ за руку — в погребальных тоннелях, в минуты опасности... Но теперь эта рука крепко держала совсем другого человека.

И во взгляде, которым Сяо-гэ смотрел на того человека, читалась такая мягкость, свободная от многолетнего ледяного панциря, какой У Се никогда раньше не видел.

Панцзы хлопнул У Се по плечу и тихо вздохнул:

— Невинный, взгляни на всё проще. Некоторые вещи нельзя получить насилием или упорством.

Губы У Се шевельнулись, но в конце концов он лишь уныло опустил голову.

Он знал, что Панцзы прав, но знать одно, а принять — совсем другое.

Младшие члены семьи Чжан переглядывались между собой. Кто-то украдкой показал большой палец и беззвучно, одними губами, произнес:

— Ци-е просто мастер!

— Нашего главу прибрали к рукам накрепко!

Чжан Хайкэ был искренне рад, что Ци-е смог снова сойтись с главой рода.

Короткое время для отдыха утекало сквозь пальцы в гнетущей и сложной атмосфере.

Никто не притронулся к припасам еды и воды. Большинство всё еще находилось под впечатлением от только что вскрытой грандиозной тайны: кто-то испытывал недоверие и страх, кто-то строил тайные расчеты, а чье-то сердце кровоточило от боли.

Время отдыха окончено.

Голос хозяина пространства снова прозвучал ровно и бесстрастно.

Далее продолжится показ нового контента. Обратите внимание: будущее не предопределено, и все, что вы увидите, таит в себе множество вариантов.

Вззоры всех присутствующих невольно снова устремились к световому экрану, который собирался засветиться.

Даже Цзе Юйчэнь, до этого все еще погруженный в собственные переживания, медленно поднял голову, смахнул с ресниц невысохшие слезы, снова выпрямил спину и бросил на экран острый, пронзительный взгляд.

Чжан Цилин и Хэй Сяцзы не расцепляли рук; они оба одновременно подняли глаза на экран, и на их лицах читались одинаково глубокое спокойствие и настороженность.

Началось воспроизведение нового видения.

Экран снова засиял, но на этот раз показанная картина кардинально отличалась от предыдущей.

Больше никаких чужих воспоминаний — перед ними предстало мрачное, хаотичное пространство, казалось, существовавшее с самого начала времен.

Холодные и грубые бронзовые стены отливали слабым, зловещим блеском, и бесчисленные причудливые узоры медленно струились по их поверхности, напоминая дыхание живого существа.

В самом центре картины застыла одинокая фигура.

Чжан Цилин.

Он сидел, скрестив ноги, на холодном полу, его спина была прямой, как сосна, но от него веяло пронизывающей до мозга костей тоской и одиночеством.

На лице не было ни единой эмоции, глаза плотно закрыты, казалось, он полностью слился с этим мертвенно-тихим бронзовым миром.

Лишь слегка вздымающаяся грудь выдавала, что он все еще жив.

Вокруг него клубилась легкая дымка света, словно пришедшая из другого измерения; узоры на бронзовых стенах, подчиняясь какому-то неведомому притяжению, крайне медленно стекались к нему и растворялись в его теле.

Здесь не было времени, не было звуков — лишь вечная пустота и неизбывный долг стража.

Картина была безмолвной, но каждый, кто видел ее, ощущал удушающую тяжесть и запустение.

Маленький Цилинь...

Низкий, древний голос, доносившийся словно из самой глубины бронзы, прозвучал гулко и печально, нарушив мертвую тишину кадра.

Услышав его, Чжан Цилин медленно повернул голову, обведя взглядом пустые и темные бронзовые стены, и на самом дне его глаз промелькнул едва уловимый, почти инстинктивный след растерянности.

Голос повторил зов, наполненный нечеловеческим величием и равнодушием:

— Не ищи, тебе меня не увидеть. Я... исток этого мира.

Маленький Цилинь, — в этом грандиозном голосе послышался неуловимый оттенок смысла, и он медленно спросил: — Хотел бы ты... вернуть свое прошлое?

Чжан Цилин внезапно вскинул голову, его взгляд, острый как молния, пронзил пустоту, откуда доносился голос.

Хотле бы.

Конечно, он хотел.

Всю свою долгую жизнь он почти непрерывно провел на пути поисков потерянных воспоминаний.

Он едва заметно, но с абсолютной уверенностью кивнул.

Хорошо.

Отозвался грандиозный голос, после чего... послышался тихий вздох?

В этом вздохе странным образом смешалась нотка почти человеческой «головной боли» и беспомощности.

Вот напасть!

Просто ужас какой-то!

Оно всего-навсего решило вздремнуть!

И надо же было такому случиться: стоило ему проснуться, как его самый ценный маленький цыпленок-цилинй умудрился довести себя до такого состояния! Всю жизнь скитаться только ради того, чтобы собрать осколки разбитого прошлого!

А рядом еще этот... бегал за цыпленком-цилинем по всему свету и сам покрылся шрамами от макушки до пят, глупый малыш!

Мировое сознание: сердце так устало, но возиться с ними все равно придется.

Несмотря на бушевавшую в глубине души бурю из бесчисленных потоков мыслей, эта грандиозная и древняя сущность все же собрала воедино чистое, теплое золотое сияние и нежно пролила его вниз, медленно окутывая одинокую фигуру внутри бронзовых ворот.

Свет, струящийся, словно вода, обвился вокруг Чжан Цилина.

Тело Чжан Цилина слегка задрожало.

Бесчисленные расколотые образы лавиной ринулись в его сознание.

Каким бы ни был антураж этих обрушивающихся воспоминаний, их центр неизменно вращался вокруг одного и того же человека.

А-Ци.

Он действительно забыл А-Ци.

Это осознание полоснуло сердце острейшим ледяным клинком, застигнув врасплох и вызвав резкую, удушающую тупую боль.

Куда более глубокую, чем любая физическая рана.

Поток воспоминаний наконец обрел единое русло — зимний белый пар, выдыхаемый на улицах Берлина, улыбчивые глаза человека в тусклом свете лампы в квартире, полудни, когда он рука об руку учил Се Юйчэня писать иероглифы, а позже — бесконечные годы, когда он раз за разом холодно отталкивал этого человека, а тот все равно молча, но неуклонно оставался где-то неподалеку...

Он забыл не просто какой-то эпизод. Он забыл этого человека.

Забыл того, кто делил с ним самую обыденную теплоту и пережил самое жестокое предательство, но при этом упрямо стоял на страже за гранью его цикличных перерождений, раз за разом пытаясь вытащить его обратно в мир людей.

Одиночество за бронзовыми воротами в одно мгновение обрело вполне осязаемый вес, придавив его так, что стало трудно дышать. Годы, которые он намеренно предал забвению или потерял поневоле, теперь обрушились на него всей полнотой чувств, ударив по пробуждающемуся восприятию.

Картина на экране сменилась, но многие все еще оставались во власти потрясения от только что увиденного.

Восстановление памяти Чжан Цилина было не просто его личным делом — оно означало, что множество забытых истин и скрытых связей вскоре выплывут на поверхность.

Лицо У Санышэна было бледным как полотно, а взгляд У Эрбая — зловещим.

Цзе Юйчэнь глубоко вздохнул, снова выпрямил спину, и взгляд его стал острым.

Хо Сяньгу погрузилась в глубокие раздумья.

Младшие члены семьи Чжан сияли от восторга, переполненные ожиданиями.

А Чжан Цилин по-прежнему крепко сжимал руку Хэй Сяцзы, не отводя глаз.

На этот раз он больше ничего не забудет.

—

Маленькое обновление главы.

Наконец-то вытащил Чжан Цилина прогуляться.

<http://bllate.org/book/20900/2112996>